

14 июля 1954

Тирасполь

Газета №

Великий русский писатель

ОБЕР-ВЕРХИ

А. П. ЧЕХОВ

МАЙОНЕЗ

ВЕРХ ЛЕГКОВЕРИЯ

На днях в Т. застрелился землевладелец К., местный воротила, человек богатый и семейный. Пуля была пущена в рот и засела в мозгу. В боковом кармане несчастного было найдено письмо следующего содержания:

«Сейчас я прочел в календаре, что в этом году не будет урожая. Неурожай принесет мне банкротство. Не желая доживать до такого позора, я заранее лишаю себя жизни и прошу никого не винить в моей смерти».

ВЕРХ РАССЕЯННОСТИ

Нам передают за достоверное, что на днях в одной из лечебниц имел место следующий приключившийся случай. Известный хирург М., ампутируя обе ноги у железнодорожного стрелочника, по рассеянности одну ногу отрезал у себя, а другую — у помощника ему фельдшера. Обоим подана медицинская помощь.

ВЕРХ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Я сын почетного потомственного гражданина, читаю «Гражданин», хожу в гражданском платье и пребываю со своей Анютой в гражданском браке...

ВЕРХ БЛАГОНАМЕРЕННОСТИ

Нам пишут, что на днях один из сотрудников «Киевлянина», некий Т., начитавшись московских газет, в припадке сомнения, сделал у самого себя обыск. Не найдя ничего предосудительного, он все-таки сводил себя в квартал.

*

Аптекарская такса

(Рисунок: в аптеку в одну дверь входят лица одетые, из другой — выходят раздетые).

— Батюшки! Иван Иванович! В каком вы виде!

— Жена заболела... в аптеке был... микстуру для нее нужно было взять, да вот порошок... Спасибо, мне, по знакомству, скидку сделали: шляпу и галстук оставили... все-таки не так совестно, знаете ли, в галстуке...

А. П. ЧЕХОВ

РАССКАЗ

ХАМЕЛЕОН

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина. На площади ни души. Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

— Так ты кусаться, окаянная! — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубашке и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак беспорядок, ваше благородие! — говорит городской.

Пятьдесят лет назад, 15 июля 1904 г., умер великий русский писатель Антон Павлович Чехов. Его жизнь была коротка, он прожил 44 года, но литературно-художественное наследство его громадно. Оно велико не только числом созданных им произведений, а прежде всего их значением в истории русской культуры.

Чехов явился продолжателем передовых традиций отечественной литературы. Он горел ненавистью к деспотизму, к полиции, был проникнут глубокой любовью к простым людям. Горе народное глубоко затрагивало его чуткую, впечатлительную душу. Своими произведениями он возбуждал чувство гнева и протеста против рабских условий жизни.

Вначале Чехов выступал с небольшими юмористическими рассказами, из которых составились сборники «Сказки Мельпомены» (1884), «Пестрые рассказы» (1886) и «В сумерках» (1887). За последний сборник Академия наук присудила ему Пушкинскую премию. Уже в этих ранних рассказах, коротких, веселых, остроумных, все сильней и сильней звучали ноты обличения.

Чехов бичевал обывательщину, мещанство, застой и удушье в общественной жизни. Особенной силой отличаются такие его повести и рассказы, как «Палата № 6», «Крыжовник», «Человек в футляре», «Ионыч» и другие. «Палата № 6» была воспринята современниками как типическое изображение тюремного режима царской России. Повесть эта произвела огромное впечатление на молодого В. И. Ленина.

А. П. Чехов не только обличал. Он поднимался до высочайшей поэзии, когда писал о своей родине. Его перу принадлежит

замечательная повесть «Степь», в которой образ родины передан чудеснейшими поэтическими красками. Незадолго до смерти Антон Павлович написал рассказ «Невеста» — о том, как молодые талантливые люди уходят к революции.

В зрелую пору творчества Чехов создал своеобразные драматические произведения — «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», сыгравшие огромную роль в развитии русской драматургии и театрального искусства. Изображение чайки до сих пор украшает занавес Московского Художественного Академического театра.

Чеховские драмы и особенно последняя из них — «Вишневый сад» показывают разрушение дворянской России, хищничество капиталистических дельцов и рождение новых, демократических сил.

Давно миновала та жизнь, которую изображал Чехов. Но его правдивые произведения не стареют, потому что они проникнуты прогрессивными идеями.

Чехов дорог нам как замечательный, тончайший мастер слова. Он вдумчиво, настойчиво учился у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Щедрина, не повторял, а творчески развивал их достижения. Он умел мастерски строить сюжет, кратко, но отчетливо, ярко раскрывать психологию действующих лиц. Его проза музыкальна. Недаром Л. Толстой называл Чехова Пушкиным в прозе.

При жизни Чехов пользовался большим признанием и любовью передовых демократических слоев общества. Его пьесы составили основу репертуара молодого Художественного театра. Чехов вместе с Короленко демонстративно отказался от звания академика, когда царь Николай II в 1902 году исключил Горького из числа почетных академиков.

Вокруг творчества Чехова велась острая борьба. Либерально-буржуазная критика пыталась представить его «певцом заката и сумерек», бытописателем «хмурых и скучных людей». Истинную оценку значения творчества Чехова смогла дать марксистская критика, показавшая, как глубоко развиты им традиции передовой русской литературы. Чеховские образы неоднократно использовал В. И. Ленин для разоблачения политических противников. За правильное понимание творчества Чехова многие годы упорно боролся А. М. Горький, видевший в нем великого друга России, непримиримого борца против пошлости, обывательщины, мещанства.

Советские люди, а вместе с ними и все прогрессивное человечество чтут память Чехова, как одного из крупнейших деятелей русской и мировой культуры.

В. ПАНКОВ.

Астрономы сильно обрадовались, когда открыли на солнце пятна. Случай беспримечного злорадства!

Чиновник брал взятку. В самый момент грехопадения вошел его начальник и подозрительно впился глазами в его кулак, в котором лежала благодарственная кредитка. Чиновник ужасно смутился.

— Послушайте! — обратился он к просителю, разжимая кулак. — Вы позабыли что-то у меня в кулаке!

Когда козел бывает свиньей? — Повадился к нашим козам чей-то козел ходить, — рассказывал один помещик. — Мы взяли и побили его. Он продолжал все-таки ходить. Мы его выпорол и к хвосту его палку привязали. Но и это не помогло. Подлец все еще продолжал лезть к нашим козам. Хорошо же! Мы его поймали, насыпали ему в нос табак и вымачивали скипидаром. После этой экзекуции он не ходил три дня, а потом опять начал ходить. Ну, не свинья ли он после этого?

Примерная находчивость. Петербургский репортер Н. З., обозревая прошлогоднюю мануфактурную выставку, остановил, между прочим, свое внимание на одном павильоне и начал что-то записывать.

— Это не вы обронили четвертную? — обратился к нему хозяин павильона, подавая ему бумажку.

— Я уронил две четвертные! — нахмурился репортер.

Экспонент изумился такой находчивости и подал ему другую четвертную.

Это не анекдот, а быль.

Женщина-классик

(Подпись к рисунку: женщина, в сильном декольте, окруженная мужчинами, — в ложе).

— У вас страшное декольте! И вам не стыдно в таком костюме, в нашем обществе?

— Нисколько! Римлянки не стыдились раздеваться и даже купаться при рабах. Я подражаю римским матронам.

опа, не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимает, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать! — Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него все больше лягавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а это — чорт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только...

— И эту собаку держать?!

— Где же у вас ум? Попадись этакая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы?

Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елды-

рин, на меня пальто... Что-то ветром подул... Знобит...

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Подка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Эдаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжал Прохор. — Это генералова брата, что намерен приехать. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иванович? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбочкой умиления. — Ишь ты, господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая...

Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... сердится шельма... пуцки этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб отвари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городскому, — узнай, чья это собака, и составь протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровый! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цыгаркой ей в харю для смеха, а